

Саги в нашем понимании – лишь первичная национальная форма, оказавшая относительное воздействие на дальнейшее формирование новеллистического жанра.

Примечания

- ¹ См.: *Fergusson S. Defining the Short Story : Impressionism and Form // Modern Fiction Studies XXVIII. West Lafayette, 1982. P. 13–24 ; Beachcroft T. O. The Modest Art. A Survey of the Short Story in England. L., 1964.*
- ² См.: *Bates H. The Modern Short Story. L., 1942.*
- ³ См.: *Ward A. Aspects of the Modern Short Story : English and American. L., 1925.*
- ⁴ См.: *Allen W. The Short Story in England. Oxford, 1981. P. 9.*
- ⁵ См.: *Collins A. English Literature of the Twentieth Century. L., 1965.*
- ⁶ *Short Story Theories / ed. by Ch. May. Ohio, 1976. P. 152.*
- ⁷ См.: *Ковалёв Ю. Заметки об английской новелле // Английская новелла. Л., 1961. С. 498.*
- ⁸ См.: *Урнов Д. Формирование английского романа эпохи Возрождения // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967. С. 437.*
- ⁹ См.: *Beachcroft T. O. Op. cit. ; Fergusson S. Op. cit. P. 13–24.*
- ¹⁰ *Гюйонварх К., Леру Ф. Кельтская цивилизация. СПб., 2001. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/guyon/04.php (дата обращения: 27.01.2013).*
- ¹¹ Там же.
- ¹² См.: *Шкунаев С. Герои и хранители ирландских преданий // Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991. С. 5–30. URL: http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/shkunaev-geroi.htm (дата обращения: 27.01.2013).*
- ¹³ Там же
- ¹⁴ Там же

УДК 821.161.1.09-31+929 Гоголь

СКАЗОЧНЫЕ АРХЕТИПЫ В ПОВЕСТИ ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ»

М. В. Прасковьяна

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
E-mail: mpras@mail.ru

В статье с точки зрения дифференцирующей функции границы анализируются сказочные архетипы в повести Гоголя «Шинель». Предпринята попытка сопоставления персонажей и сюжетов сказок и «Шинели» на основе проведения между ними границы.

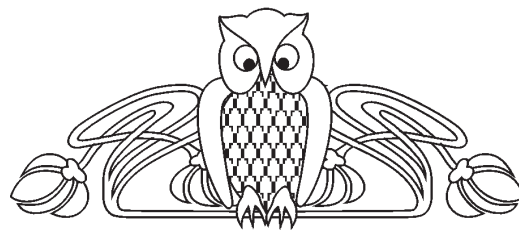
Ключевые слова: повести Гоголя, «Шинель», сказочные архетипы, граница, дифференцирующая функция границы.

Fairy Archetypes in Gogol's Novel «The Overcoat»

М. V. Praskovyina

In the article the fairy archetypes in Gogol's novel «The Overcoat» are analyzed from the point of view of the differentiating function of the

- ¹⁵ *Windisch E. Irische Texte : in 4 vol. Leipzig, 1880. Vol. 1. S. 86.*
- ¹⁶ *Изгнание сыновей Уснеха // Ирландские саги. М. ; Л., 1961. URL: http://mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000012/st014 (дата обращения: 27.11.2012).*
- ¹⁷ *Исчезновение Кондлы Прекрасного, сына Конда Ста Битв // Там же.*
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Рус А., Рус Д. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. М., 1999. URL: http://www.mtvn.ru/show.html?id=1373 (дата обращения: 27.11.2012).*
- ²⁰ *Сага о кабане Мак-Дато // Ирландские саги.*
- ²¹ См.: *Михайлова Т. Характер и природа зачинов в ирландском героическом эпосе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1983. № 3. С. 7.*
- ²² *Смирнов А. Древнеирландский эпос // Ирландские саги.*
- ²³ *Рус А., Рус Д. Указ. соч.*
- ²⁴ *Плавание Брана, сына Фебала // Ирландские саги ; Приключение Неры // Там же.*
- ²⁵ *Широкова Н. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб., 2000. С. 195.*
- ²⁶ *Приключение Неры.*
- ²⁷ См.: *Рус А., Рус Д. Указ. соч.*
- ²⁸ См.: *Михайлова Т. Указ. соч. С. 7.*
- ²⁹ См.: *Merriam-Webster Encyclopedia of Literature. Merriam-Webster Incorporated, Publishers Springfield. Massachusetts, 1995. P. 983 ; Смирнов А. Указ. соч. С. 9.*
- ³⁰ *Рус А., Рус Д. Указ. соч.*
- ³¹ *Плавание Брана, сына Фебала.*
- ³² Там же.
- ³³ *Широкова Н. Указ. соч. С. 195.*
- ³⁴ *Плавание Брана, сына Фебала.*
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.

border. An attempt is undertaken to compare the characters and plots of fairy tales and «The Overcoat» on the ground of drawing the border between them.

Key words: Gogol's novels, «The Overcoat», fairy archetypes, border, differentiating function of the border.

Анализ роли сказочных архетипов в повести Н. В. Гоголя «Шинель» может быть произведен при помощи дифференцирующей функции границы. Понятие границы не исчерпывается пространственным представлением. Граница – смыслопорождающий механизм, создающий

культуру, формы отношения к жизни – мышления, представлений, ценностных ориентаций; сама по себе она не является формой, но обеспечивает смысловую идентичность явления.

Граница служит механизмом различения и смысловой идентификации явлений. Ср.: «Ситуация различения и дифференциации смыслов, когда данный объект отделяется от других и противопоставляется им, порождает семиотическое пространство, в котором данное явление получает свою форму и приобретает смысловую идентичность в системе языка. Граница сообщает конкретность, определенность системе отношений, структурирует»¹. Всякая процедура различения совершается относительно определенных свойств предмета; в результате они выделяются и наделяются особым значением. Таким образом, применение дифференцирующей функции границы для анализа сказочных образов из повести Гоголя «Шинель» позволит не только сопоставить их, но и выявить специфические черты.

Сюжет волшебной сказки, согласно В. Я. Проппу, «начинается с нанесения какого-либо ущерба или с желания иметь что-то»². К первому случаю можно отнести повести «Нос» (утрата носа) и «Шинель» (сильно износившаяся шинель), ко второму – «Записки сумасшедшего» (желание достичь высокого положения в обществе).

В. Я. Пропп отмечает, что начальная ситуация сказок порой обставляется подчеркнутым благополучием: «Легко заметить, что такое благополучие служит контрастным фоном для будущей беды, что это счастье подготавливает собой несчастье»³. В пародийной форме этот контраст представлен в «Шинели». Башмачкин совершенно доволен, несмотря на то, что со стороны его жизнь кажется абсолютно пустой. Вся его радость и весь смысл его существования заключены в переписывании – по этой причине Акакий Акакиевич не страдает ни от нехватки денег, ни от одиночества. Однако этому благополучию приходит конец – от Башмачкина требуется изменить привычный образ жизни, что драматически им переживается.

В. Я. Пропп указывает на то, что в сказке при путешествии героя клюка изнашивается, обувь стаптывается и т. д. Для героя «Шинели» в изношенности одежды и состоит беда. В повести происходит «чудо», которое помогает Башмачкину справиться с «бедой» и получить новую шинель: «Противу всякого чаяния, директор назначил Акакию Акакиевичу не сорок или сорок пять, а целых шестьдесят рублей; уж предчувствовал ли он, что Акакию Акакиевичу нужна шинель, или само собой так случилось, но только у него чрез это очутилось лишних двадцать рублей»⁴. Волшебную природу данного случая подчеркивают слова «само собой так случилось» и «очутилось».

В сказочном сюжете чудесное рождение героя сопровождается тем, что «он быстро растет, “не по дням, а по часам”»⁵. Этот мотив присутствует в «Шинели»: «Ребенка окрестили, причем он за-

плакал и сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник»⁶. Башмачкин как будто рождается уже титулярным советником – будто в этом и есть его «героическое предназначение».

Предопределение в судьбе Башмачкина касается и выбора имени и носит сказочный характер: «Ну, уж я вижу, – сказала старуха, – что, видно, его такая судьба. Уж если так, пусть лучше будет он называться, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий»⁷. В сказках очень часто имена даются по обстоятельствам рождения. Так, в «Зорьке, Вечорке и Полуночке» три сына бедной вдовы родились в одну ночь: «старший с вечера, средний в полночь, а меньшой на ранней утренней заре, и назвали их потому: Вечорка, Полуночка и Зорька»⁸. Аналогично тому получают имена герои: Заморышек (по физическим признакам), Иван Быкович (по образу рождения), Козьма Скоробогатый (по образу обогащения), Иван-дурак и Василиса Премудрая (по уровню интеллектуальных способностей) и т. д. Башмачкин же назван Акакием, так как родился в неудачное время, когда невозможно было по святым подобрать ему подходящее имя, и потому что его отец также носил имя Акакий.

Е. М. Мелетинский отмечает: «На первый план (сказки. – М. П.) выходит герой обездоленный, униженный, преследуемый. Это униженный представитель рода, семьи, селения. <...> Эти униженные персонажи в классической сказке имеют универсальное распространение и играют очень большую роль»⁹. С точки зрения дифференцирующей функции границы можно определить, как именно образ Башмачкина соотносится с архетипическим обездоленным героем. В «Шинели» читатель видит персонажа обиженного и обездоленного, унижение которого усиливается потерей только что обретенного счастья – шинели. Причем не просто потери, а лишения ее в результате нападения разбойников, что удваивает несправедливость произошедшего.

Если волшебные сказки всегда оканчиваются триумфом обездоленного (дурака или младшего сына), то в «Шинели» читатель видит торжество справедливости только в фантастическом окончании. Благополучное окончание, сходное для сюжетной истории Башмачкина и обездоленного героя, различается в их случае тем, что для сказочного героя оно составляет часть его судьбы, а для Башмачкина наступает уже после его смерти. Здесь и пролегал дифференцирующая граница между отмеченными образами, сказочным и голевским.

А. Х. Гольденберг пишет, что «мысль о нравственном пробуждении героев своей поэмы писатель прямо связывает здесь с темой русского богатырства, ибо для подобного преобразования человека потребно не обычное, а поистине богатырское усилие. И произойти оно должно по-фольклорному, “вдруг”»¹⁰. Такого рода вне-

запное превращение героя вообще характерно для гоголевской сюжетики; «вдруг» переменяется и Башмачкин. Неожиданно Акакий Акакиевич обнаруживает прореху в своей шинели; столь же неожиданно обрушивается на него известие о невозможности починки старой и необходимости пошива новой шинели. Однако, осознав неизбежность случившегося, Башмачкин принимается самоотверженно «сражаться» за новую шинель: копить деньги, посвящать все свое свободное время выбору ткани на шинель и материала на воротник. Таким образом Акакий Акакиевич полностью меняет и свой образ жизни, и свой образ мысли. Со стороны его поведение могло показаться неизменным, но его внутренний мир переменяется полностью: в центре его теперь уже не переписывание, а шинель.

Причина «возвращения» Башмачкина в мир живых – его «неоконченное» дело. По мнению В. Ш. Кривоноса, превращение Башмачкина в «ходячего покойника» в фантастическом окончании повести связано с архаическими народными представлениями о причинах явления умершего в мир живых, одной из которых является неизжитость им срока жизни¹¹. Он насильственным путем лишен самого смысла своего существования, что можно приравнять даже к убийству. Возвращение стало возможным еще и потому, что Акакий Акакиевич не имеет родственников, которые могли бы предотвратить его возвращение: «Вера в возможность возвращения покойников отражена в русских былинах, а в волшебной сказке боязнь возвращения умершего может быть причиной дежурства родственников у его могилы»¹².

Башмачкин, по законам сказки, должен быть награжден за терпение, скромность и трудолюбие. И в середине повести так и происходит: шинель, словно обладая волшебной силой, меняет его жизнь. Однако затем происходит несправедливость – сначала его грабят разбойники, а затем подвергает распеканию, отказав в помощи, значительное лицо.

В сказках «новопосвященным часто предоставлялись права разбоя или по отношению к соседнему племени, или, гораздо чаще, по отношению к своему собственному»¹³. Башмачкин – новопосвященный. После приобретения новой шинели его принимают в свое общество сослуживцы. У него начинается другая жизнь. Он выходит вечером на улицу, отправляется в гости, увлекается противоположным полом (преследует даму), размыкает круг своих служебных обязанностей. Однако, вопреки сказочным правилам о допустимости разбоя для новопосвященного, нападению подвергается сам Башмачкин.

Сцена ограбления Акакия Акакиевича идентична сцене «грабежа» волком овцы из сказки «Овца, лиса и волк». «Дорогою бирюк и говорит овце: “А что, овца, ведь на тебе тулуп-то мой?”»¹⁴. Ср. у Гоголя: «“А ведь шинель-то моя!” – сказал

один из них громовым голосом, схвативши его за воротник»¹⁵. В этой сцене образ Башмачкина приравнивается к образу овцы, образ разбойника – к образу волка. Но если в сказке лиса защищает овцу, спасая ее от гибели и наказывая волка, то в повести герой не находит помощи у официального лица, к которому обращается, более того, его распекание обрекает Акакия Акакиевича на гибель. Из того факта, что в фантастическом окончании повести наказан не разбойник (как в сказке – волк), а значительное лицо, можно сделать вывод, что вина чиновника, не оказавшего помощь пострадавшему, больше, чем вина разбойника, отнявшего шинель.

Некоторые исследователи, в том числе И. Анненский, указывают на особое значение фантастического окончания повести: «Мы с первой страницы испытываем чувство несправедливости <...> Всякое чувство, возникшее в нас при чтении, должно найти выход <...> Накажи его (значительное лицо. – М. П.) Гоголь серьезно, вышла бы скучная нравоучительная сказка. Заставь переродиться – вышла бы ложь»¹⁶. Однако существует и другое объяснение именно ирреального наказания значительного лица, виновного в смерти Акакия Акакиевича.

Приравняв образ Башмачкина к образу овцы (невинного агнца), можно проследить мотив страдания героя за грехи человеческие, подобно Иисусу Христу¹⁷. Таким образом полностью снимается необходимость реального «отмщения» разбойнику или значительному лицу, поскольку в искуплении нет несправедливости.

Итак, анализ, проведенный с помощью дифференцирующей функции границы, позволил показать, что образы гоголевских героев соотносимы с образами сказочными, и убедиться, что сказочные архетипы играют особую роль в повести «Шинель».

Примечания

- ¹ Рымарь Н. О функциях границы в художественном языке // Граница как механизм смыслопорождения / под ред. Н. Т. Рымаря. Самара, 2004. С. 30.
- ² Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. С. 5.
- ³ Пропп В. Русская сказка. М., 2000. С. 200.
- ⁴ Гоголь Н. Собр. соч. : в 7 т. М., 1977. Т. 3. С. 128.
- ⁵ Пропп В. Русская сказка. С. 200.
- ⁶ Гоголь Н. Указ. соч. С. 117.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. / подгот. В. Я. Пропп. М., 1978. Т. 2. С. 54.
- ⁹ Мелетинский Е. От мифа к литературе. М., 2001. С. 50.
- ¹⁰ Гольденберг А. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя. Волгоград, 2007. С. 60.
- ¹¹ См.: Кривонос В. Повести Гоголя. Пространство смысла. Самара, 2006. С. 386.

- ¹² Юдин Ю. Русская народная бытовая сказка. М., 1998. С. 115.
¹³ Пропн В. Исторические корни волшебной сказки. С. 96.
¹⁴ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. С. 26.

- ¹⁵ Гоголь Н. Указ. соч. С. 133.
¹⁶ Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 215.
¹⁷ И. Анненский указывал на то, что луч заставит «полуидиота Башмачкина прозреть в себе униженное и поруганное подобие бога» (Там же. С. 223).

УДК 821.161.1.09+929 Гоголь

САМОИСТОЛКОВАНИЕ И ПОИСК «ВНУТРЕННЕГО ЧЕЛОВЕКА» В «ВЫБРАННЫХ МЕСТАХ ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ» Н. В. ГОГОЛЯ

О. Е. Незовибатько

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия,
Самара
E-mail: patremnolivocare@gmail.com

В статье анализируются проблемы самоистолкования в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя показано, что диалектика религиозного и эстетического в дискурсе признания о себе связана с авторской концепцией «внутреннего» человека.

Ключевые слова: Гоголь, «внутренний» человек, исповедь, поприще, самоотречение.

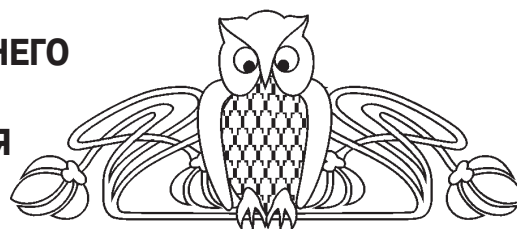
Self-interpretation and the Search of the «Inner Person» in «Selected Passages from the Correspondence with Friends» by N. V. Gogol

О. Е. Nezovibatko

This paper is based on self-interpretation analysis of «Selected passages from correspondence with friends» by N. V. Gogol and shows that the dialectics of the religious and the aesthetic in the discourse of confession about oneself is associated with the author's concept of «inner» person.

Key words: Gogol, «inner» person, confession, career, self-denial.

В настоящей работе «Выбранные места из переписки с друзьями» и «Авторская исповедь» рассматриваются как художественное единство, выстроенное на основе практики аналитического признания. Установка на признание о себе прочитывается в оценке Гоголя «Выбранных мест...» как «верного зеркала человека»¹, «моей собственной исповеди» (473), душевной исповеди; в желании «рассмотреть построже самого себя» (432). В предисловии к «Выбранным местам...» Гоголь просит прощения у читателей и их молитв: «...прошу прощения у моих читателей <...> прошу их не питать против меня гнева сокровенного <...>», «в заключение прошу всех в России помолиться обо мне...» (217), что также имплицитно вводит тему признания. Ведь всякое признание подразумевает беспощадность в отношении себя и снисходительность другого. Стоит отметить, что потребность в искреннем изложении событий и переживание необходимости оправдания своих поступков как перед

самим собой, так и перед другим человеком, постоянно звучат и в частной переписке Гоголя 1847 г. Желанием исповеди Гоголь «страдал и томился», как он пишет об этом в послании к Шевереву, стремился «обнаружить донага всю свою душу и принести непритворную исповедь во всем том, что творилось в душе незримо от всех». Практически дословно это же состояние передано в письме Погдину: «Целые два года я томился потом желаньем оправдаться перед тобою. Целые два года я почти ничего не в силах был делать: так меня занимало желанье излить перед тобою чистосердечную исповедь свою». В преддверии поездки в Иерусалим Гоголь выступает с намерением исповедаться перед Жуковским: «...кому же, как не тебе? Ведь литература заняла почти всю жизнь мою, и главные мои грехи – здесь». Устраивая в письмах «род суда над самим собой»², Гоголь, по сути, редко полностью открывается своему адресату. Признание лишь эмоционально декларируется автором, но постоянно ускользает от читателя, переходя то в рассуждения о литературе и искусстве, которыми наполнена переписка с Жуковским, то в бытовое письмо. История внутреннего перелома, которую пытается осмыслить Гоголь в эпистолярной форме, не сводится к исповеди, так как откровенная исповедь должна принадлежать Богу.

Совершенно по-другому обстоит дело с признанием о себе в «Выбранных местах...». В тексте книги оно рождается как событие литературное и психологическое, напрямую связанное с авторской концепцией человека. Но прежде чем говорить о видении человека, обратим внимание на некоторые структурные противоречия писем, открывающие путь к антропологической проблематике. В отличие от адресата частных писем, читатель «Выбранных мест...» представлен автором как снисходительный «сочувственник», который «не посмеет не простить», поэтому ему писатель открывает свои мысли. Но исповедальность тона некоторых писем и самоуничижение, торжественность слога и разнообразные наставления сделали предметом «толков и критики не книгу, но автора» (432).